

РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XI–XX ВЕКОВ

С. Н. Жаров

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск,

Р. Э. Исламов

Российский государственный социальный университет, г. Анапа

В статье рассматриваются возникновение и развитие в российском законодательстве права на здоровье и его охрану в XI–XX вв. Особенностью этого права, являющегося сегодня одним из неотъемлемых прав человека, была его сословность, выраженная в предоставлении правовой защиты здоровья только особенно ценным властью субъектам. В ранние периоды русской государственности это были бояре, князья и мужи, впоследствии – все служилые люди, а к исходу XIX столетия такое право предоставлялось всем подданным Российской империи. Но право на здоровье не являлось их частным делом, а дополнялось обязанностью быть здоровыми, чтобы иметь возможность выполнять прочие обязанности.

Ключевые слова: Российская империя, история государства и права, право на здоровье, обязанность поддержания здоровья.

Право на охрану здоровья – одно из важнейших конституционных прав граждан. Сформулировано и закреплено оно сравнительно недавно, первое международное признание это права состоялось в 1948 году в преамбуле Устава Всемирной Организации Здравоохранения. Однако уже с давних времен законодательно закреплялись меры охраны здоровья людей. Каким образом это может быть объяснено?

Потребность в здоровье носит всеобщий характер. Можно выделить следующие виды потребностей в здоровье: индивидуальная, семейная, коллективная (групповая) и общественная. Указанные виды потребностей в здоровье взаимосвязаны и взаимозависимы. Им присущи как общие черты, так и определенная специфика, которую необходимо учитывать при формировании политики охраны и укрепления здоровья населения. Однако исторически эти потребности возникали, осознавались законодателем и получали правовую защищенность не одновременно.

Самые ранние акты Киевской Руси уже содержат нормы, защищавшие не только жизнь, но и здоровье подданных путем установления наказаний за причинение вреда здоровью. Статья 5 договора Руси с Византией 911 года гласила, что «если (кто) ударит мечом или побьет (кого) каким-либо орудием, то

за тот удар или избивание пусть даст 5 литров серебра по обычаю русскому. Если же совершивший это окажется неимущим, то пусть даст сколько может вплоть до того, что даже снимет с себя те самые одежды, в которых ходит...» [1, с. 11]. Аналогичная норма содержалась в ст. 14 договора 944 года [1, с. 39]. Эти нормы свидетельствуют прежде всего о реализации общественной потребности в здоровье, точнее о потребности государства в физически здоровых подданных, дружинниках и купцах, способных выполнять возложенные на них обязанности. Еще подробнее эта потребность закреплена в первом договоре Олега, заключенном в 907 году: понимая зависимость здоровья своих подданных от соблюдения мер личной гигиены, князь включил в договор условие неограниченного, по потребности, предоставления бани для пребывающих в Константинополе руссов [1, с. 65].

Весьма подробное регулирование последствий нанесения различных повреждений в ст. 2–9 Краткой редакции Русской Правды при внимательном рассмотрении сводится к тем же нормам о членовредительстве. Только ст. 5, 6 и 7 устанавливали преследование за нанесение вреда здоровью в виде членовредительства, в остальных побои или угроза их нанесения рассматривались как личное ос-

корбление [2, с. 51–53].

Мы можем утверждать, что членовредительство в виде отсечения руки и ноги, повреждение ноги, повлекшее хромоту (ст. 5–6), также отражают реализацию общественной потребности в здоровье, поскольку в первом случае законодатель ввел санкцию, равную штрафу за убийство (40 гривен), а во втором разрешил кровную месть («чада смирать»). Однако невеликий размер штрафа (3 гривны) за отсечение пальца (ст. 7), то есть за безусловно неприятную, но не лишавшую боеспособности (или трудоспособности) травму, свидетельствует о признании индивидуальной потребности в здоровье. Сюда же следует отнести и возлагаемую на обидчика обязанность оплатить лечение нанесенных побоев (ст. 2).

Первые упоминания семейной потребности в здоровье находим в ст. 11–12 Пространной редакции Устава князя Ярослава о церковных судах, запрещавших расторжение брака из-за тяжелой или долгой болезни, а также слепоты одного из супругов [2, с. 190]. Эта норма вполне соответствовала и христианским представлениям о браке, и утилитарному предназначению его – рождению и воспитанию детей, каковое воспитание в княжеских и боярских семьях по традиции поручалось родственникам или дядькам-пестунам, но ни в коем случае не родителям.

Но в случае конфликта между потребностями власти и любыми видами потребности в здоровье законодатель безусловно стремился защитить первые. Об этом однозначно заявила ст. 98 Псковской Судной грамоты [2, с. 340]. Поведение пристава, явившегося с истцом на двор ответчика для его ареста, даже если последствием этого их поведения стал выкидыш у жены обвиняемого, не образовывало состава преступления. Ю. Г. Алексеев сделал попытку реконструкции события, предусмотренного в статье: «...пристав и истец, видимо, силой ворвались на двор, произошел скандал, возможно, потасовка с хозяином и членами его семьи, что и привело к драматическому исходу и к обвинению пристава в убийстве. В этой ситуации закон берет пристава под защиту» [3, с. 71].

Возвращаясь к вопросу об охране здоровья подданных в российском праве, отметим, что с развитием законодательства санкции за причинение телесных повреждений усиливались. Соборное уложение 1649 года, сохранив штрафную санкцию, дополнило ее талионом.

Так, ст. 10 главы XXII установила штраф за отсечение руки, ноги, носа, уха, губ, выкалывания глаза в размере 50 руб., а кроме того – «за такое его наругательство самому ему то же учинити» [4, с. 248–249]. В случае нападения на дом и двор наказание устанавливалось в виде штрафа в двойном размере убытков и бесчестья потерпевших, а также битья кнутом всех участников нападения. Если же кто из них нанес кому-либо из потерпевших ранение – приговаривался к отсечению руки (ст. 199 гл. XX) [4, с. 134].

Потребность в крепком здоровье военнослужащих настолько высоко осознавалась Петром I, что отсечением руки наказывалась даже возможность причинения вреда их здоровью: угроза применения оружия или побои, нанесенные тростью (арт. 144, 146). Попытки подданных самостоятельно, вопреки воле государя, распорядиться своей жизнью и здоровьем в виде участия в дуэли вообще карались смертью для всех участников, как вызвавшего, так и принявшего вызов, и секундантов (арт. 139, 140) [5, с. 352–353].

Потребность в крепком здоровье служилых людей вызвала необходимость контролировать состояние их здоровья и при необходимости лечить болезни и ранения служивых. Для этой цели в России был создан еще в первой половине XVII столетия Аптекарский приказ, который ведал полковой и дворцовой медицинской службой, организацией лечения больных и раненых, комплектованием медицинских кадров, аптечным делом. Учрежденная 14 августа 1721 г. Медицинская коллегия явилась наследницей приказа, приняв под свой контроль все аптеки и госпиталя, а имевшиеся при них доктора, лекари и прочие медицинские служители должны быть учтены при Медицинской канцелярии [6]. Этот учет требовался для первоочередного обеспечения армии медиками: «Понеже важная весьма нужда в том состоит, чтобы Армия Ея Императорского Величества, при нынешних оной военных трудах, с добрыми Докторами и лекарями снабдена была... Медицинской канцелярии о том прилежное смотрение иметь, дабы, как в Докторах и в добрых лекарях, также в аптеках и в лекарствах при армии никакого недостатка не было» [7].

Но состоянию здоровья людей угрожали не только прямые покушения, но и условия проживания, особенно в городах, где «за недосмотрением чистоты, самый вредительный

и язвительный смрад, от чего не могло б быть людям впредь вредительства, для чего потребно тамо учредить полицию...» [8, с. 156], что предлагала в своем докладе в 1733 году полицмейстерская комиссия императрице Анне Иоанновне. Созданные на основании высочайшей резолюции по этому докладу полицейские органы в городах одной из важнейших своих задач имели контроль за санитарным состоянием. Эта задача подтверждалась в последующих нормативных правовых актах, регулировавших деятельность полиции. К примеру, Устав благочиния 1782 года категорически запрещал разнос заразы и продажу испорченного припаса пропитания, приравняв их к уголовным преступлениям (ст. 232) [9], и возложил контроль за соблюдением этих запретов на частных приставов и квартальных надзирателей.

Более широкая забота о народном здравии стала проявляться в Российской империи с созданием земского самоуправления. Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. допустило «участие, преимущественно в хозяйственном отношении и в пределах, законом определенных, в попечении о народном образовании, о народном здравии и о тюрьмах» [10].

Таким образом, право на охрану здоровья в России получило правовую регламентацию практически с момента образования государства, в наиболее ранних нормативных правовых актах. Но это право на охрану здоровья осуществлялось главным образом в интересах государства, поскольку обеспечено было сравнительно небольшому кругу лиц, в ко-

торых нуждался властвующий субъект. Расширение потребности государства в здоровых подданных повлекло за собой государственные меры к сохранению и укреплению здоровья, своевременному лечению и недопущению заболеваний прежде всего в армии, а затем и среди гражданского населения, забота о котором была возложена на полицию, а позднее и на органы земского самоуправления. Отсюда можно сделать вывод о том, что предоставленное российским подданным законодательно право на здоровье не являлось их частным делом, а дополнялось обязанностью поддерживать нормальное состояние здоровья, чтобы быть в состоянии выполнять государственную службу или нести повинности.

Литература

1. Памятники русского права. Вып. 1. – М., 1952. – 288 с.
2. Российское законодательство X–XX веков. Том 1. – М., 1984. – 432 с.
3. Алексеев, Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время: развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. / Ю. Г. Алексеев. – Л., 1980. – 244 с.
4. Российское законодательство X–XX веков. – М., 1985. – Т. 3. – 512 с.
5. Российское законодательство X–XX веков. – М., 1986. – Т. 4. – 512 с.
6. ПСЗ. – Собр. 1. – Т. 6. – № 3811.
7. ПСЗ. – Собр. 1. – Т. 9. – № 7056.
8. Российское законодательство X–XX веков. – М., 1987. – Т. 5. – 528 с.
9. ПСЗ. – Собр. 1. – Т. 21. – № 15379.
10. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 39. – № 40457.

Жаров Сергей Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: serzhar@mail.ru.

Исламов Рим Эдуардович – преподаватель филиала Российского государственного социального университета, г. Анапа. E-mail: rimedis @yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2014 г.

DEVELOPMENT OF LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTION OF HEALTH IN THE RUSSIAN LEGISLATION XI-XX CENTURIES

S. N. Zharov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation,

R. E. Islamov

Russian State Social University, Anapa, Russian Federation

The article discusses the emergence and development of Russian legislation right to health and protection of the X–XX centuries. The peculiarity of this right, which is today one of the inalienable human rights, was his сословность expressed in providing remedies for health especially valuable authorities of subjects. In the early periods of the Russian state were the boyars-princely men, subsequently, of all people, and by the end of the XIX century such a right should be provided to all subjects of the Russian Empire. But the right to health was not their private affair, and is complemented by the obligation to be healthy, to be able to perform other duties.

Keywords: Russian Empire, the history of state and law, the right to health, the duty to maintain health.

References

1. Monuments of Russian law. Vol. 1. [Pamjatniki russkogo prava. T. 1.]. Moscow, 1952, 288 p.
2. Russian legislation X–XX centuries. Vol. 1. [Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 1.] Moscow, 1984, 432 p.
3. Alekseev Y. G. Pskovskaja Sudnaja gramota and its time: the development of feudal relations in Russia XIV–XV centuries. [Pskovskaja Sudnaja gramota i ee vremja: razvitie feodal'nyh otnoshenij na Rusi XIV–XV vv.]. Leningrad, 1980, 244 p.
4. Russian legislation X–XX centuries. Vol. 3. [Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 3.]. Moscow, 1985, 512 p.
5. Russian legislation X–XX centuries. Vol. 4. [Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 4.]. Moscow, 1986, 512 p.
6. The complete collection of laws. Meeting 1. Vol. 6. [PSZ. Sobr. 1. T. 6.]. № 3811.
7. The complete collection of laws. Meeting 1. Vol. 9. [PSZ. Sobr. 1. T. 9.]. № 7056.
8. Russian legislation X–XX centuries. Vol. 5. [Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 5.]. Moscow, 1987, 528 p.
9. The complete collection of laws. Meeting 1. Vol. 21. [PSZ. Sobr. 1. T. 21.]. № 15379.
10. The complete collection of laws. Meeting 2. Vol. 39. [PSZ. Sobr. 2. T. 39.]. № 40457.

Sergey Nikolaevich Zharov – Doctor of legal Sciences, associate Professor of the Department of state and legal disciplines, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: serzhar@mail.ru.

Rim Eduardovich Islamov – teacher of a branch of Federal state educational institution Russian State Social University, Anapa, Russian Federation. E-mail: rimedis @yandex.ru.

Received 14 February 2014.